

ТАРХАНСКИЕ ЭТЮДЫ

С блокнотом
по стране

1. Старожил

Василию Васильевичу Ульянову семьдесят второй год, но по виду ему от силы пятьдесят пять — не больше. Он сухоощав, подтянут, скор на движения, в беседе — нетороплив, раздумчив.

— Так и прожили здесь, в Тарханах, всю жизнь? — продолжал наш разговор. — И никогда не тянуло в другие места?

— Выходит так, мил человек, — отвечает Василий Васильевич. — Работаю в совхозе, живу — не жалуюсь... А насчет того, чтобы перебраться, — это дело невозможное. То есть незачем просто. По всем статьям — места наши особенные, я бы даже сказал — исторические. И краса природы опять же необыкновенная. Вы гляньте-ка...

Действительно, пейзаж чудесен: и ухоженный парк, и светлое озеро, и нетронутый ковер травы, и желто-зеленые поля, что начинаются за селом и уходят к горизонту... Уже сама по себе картина впечатляет. Но когда знаешь, что это неотделимо от имени гения русской поэзии, испытываешь невыразимое волнение, и все увиденное остается в памяти навсегда.

День теплый, июльский. Время — чуть больше десяти часов, а народу собралось уже много.

— Год от года прибавляется у нас гостей, и заметно прибавляется, — глядя на идущих от автобусов экскурсантов, произносит Василий Васильевич. — На то, конечно, и праздник. Вон что в театре-то...

В ложбине — длинные ряды скамеек, как бы сбегающих вниз, к небольшой сцене. Это и есть Зеленый театр. Сегодня заняты и скамейки, и склоны ложбины: зрителей несколько тысяч.

Когда Лермонтовский праздник поэзии начался, своего спутника я увидел сидящим где-то в девятом — десятом ряду. Выступления московских и пензенских поэтов он слушал, чуть подавшись вперед, всем своим видом выражая сосредоточенность и внимание.

Народный поэт Кабардино-Балкарии Алим Кешоков и москвич Владимир Соколов читали свои стихи, навевая поэзией Лермонтова.

Василий Васильевич вместе со всеми аплодировал выступающим и что-то шептал на

ухо соседу по скамейке.

Потом, когда мы снова шли по усадьбе, он то и дело кивал головой на молодежь, несшую пачки книг — они были приобретены тут же, на поляне:

— Вон ведь сколько книг покупают! И хорошо, ей-богу, хорошо! Нам-то в прежние годы не до того было...

Прощаясь, говорил:

— Дорога теперь знакома. К нам, к Лермонтову — милости просим.

— Василь Васильич, — обратился я к нему напоследок. — Ну, а если б Тарханы не были Тарханами, а скажем, какими-нибудь Липками, и славы за ними никакой не водилось. Так бы и жили всю жизнь в этих Липках?

Он подумал, провел ладонью по лицу:

— А что ж, так бы и жил, так бы и работал в совхозе. «Глупа та птица, которой гнездо свое не мило», — есть такая пословица. И еще: «Где сосна выросла, там она и красна»... Верно говорится?

2. Экскурсовод

Лет десять назад мне повезло побывать в Ялтинском Доме-музее А. П. Чехова. По комнатам нашу группу водила молодая женщина и со старанием прилежной ученицы излагала известные факты чеховской биографии. По ходу она бросала: «Вот стол писателя...», «Вот кресло...», «Вот балкон...» И такой скукой тянуло от ее слов, что не хотелось слушать.

...Наш автобус подъезжал к Тарханам. Георгий Васильевич Мясников, второй секретарь Пензенского обкома партии, большой ревнитель лермонтовских мест, сказал через микрофон:

— Здесь у нас одиннадцать научных работников. Все они, начиная с главного хранителя Валентина Павловича Арзамасцева, влюблены в свое дело. Послушайте Ларису Злобину — убедитесь сами...

Вот тут-то я и вспомнил экскурсовода из Чеховского музея, и мне заранее стало скучно.

Лариса оказалась миловидной девушкой с живыми восторженными глазами. Начала просто и четко:

— Тарханы — старинное русское село. В нем провел почти половину своей короткой жизни Михаил Юрьевич Лермонтов...

Вскоре ее рассказ стал взволнованным и поэтичным. Мы как бы вочию увидели мальчика, смуглого, с черными блестящими глазами, в зеленой курточке и с прядью белокурых волос надо лбом, резко отличавшихся от прочих, черных как смоль. ... Молодой офицер, облокотясь на подоконник, смотрит на занесенные вьюгой деревья и думает о судьбе Отчизны, ее народа: «Я родину люблю и больше многих...» Он ходит по темной комнате, и слышно, как скрипят половицы...

Читая стихи, рассказывая о давно минувшем, Лариса Злобина создает такую эмоциональную атмосферу, в которой Лермонтов ощущается как живой человек, минуту назад ушедший на прогулку...

Конечно же, ничего похожего на ялтинского экскурсовода здесь не было. Я посмотрел на гостей — поэтов Виктора Бокова, Марка Лисянского, Гарольда Регистана. Они внимали (именно — внимали!) Ларисе проникновенно.

Верный почитатель Лермонтова, ныне уже покойный писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов, говаривал:

— Всякое мастерство и труд имеют свою радость и свою красоту.

Это — и о Ларисе Злобной, литераторе, научном работнике Лермонтовского музея.

3. Писатель

Алексей Иванович Карасев, пензенский поэт, уроженец соседних с Тарханами мест, рассказывал:

— Было это в начале тридцатых. Я тогда стихи начинал кропать и печатать их в местных пензенских газетах. Дальше — больше, стал рассуждать:

— Пенза — хорошо, а если в Москву нагнать, в Москве напечататься, в писатели там вступить? Вот была бы штука!..

Собрал деньжонок, закинул мешочек за плечи и подался в бекаменную. И что вы думаете — очень удачно у меня там получилось...

Настало время из Москвы уезжать, иду на Казанский вокзал — ног под собой не чувю. Устроился в вагоне, смотрю: рядом говорят потихоньку меж собой двое — вида особого нет, одежда — не шибко модная. Едем.

Я — знай наших! — достаю из мешочка купленную в сто-

лице новую книжку, читаю. Тот, что похудее да помоложе, посмотрел на мою книжку, спрашивает:

— О комсомолии, небось? Как звать-то тебя?

— Алексеем, — отвечаю. — А книжка — «Простая душа». Флёрбер (с ударением на о) сочинил, есть такой писатель во Франции...

— Флёрбер, говоришь? Ну, ладно... А в Москве, небось, в гостях был?

— Да, — говорю, — по писательским делам приезжал.

— Вон оно что-о-о... — заулыбался, переглянувшись, мой спутник. — Писатель, значит...

И тут в меня будто бес вселился — стал нести о своих хождениях по редакциям, о том, как толковал с самим Александром Жаровым, как меня в писатели принимали... Мои слушатели только руками всплескивали...

На станции Каменка, что не так уж далеко от Тархан, сошел, смотрю: мои соседи тоже выходят. Тот, что помоложе, зовет меня:

— Нас подвода должна ждать. Если по пути — подвезем.

— Нет, — отвечаю, — меня тоже встречают.

— Ну, как знаешь. А если еще в Москве будешь — заходи. Тверской бульвар, 25. Спроси Замойского Петра. Запомнишь?

Я так и присел. Мать честная! Так это ж земляк наш знаменитый, писатель на всю страну известный! А я-то, индюк надутый, хвост распустил!..

— Запомню, найду, — повторю, заикаясь, а сам все норовлю в народе затеряться...

— Алексей, — вдруг слышу опять голос Замойского. — Иди-ка сюда.

Подождал, он и говорит:

— А французам тоже зовут Флёрбер, на е ударение. Так у них, у французоз, заведено, в фамилиях на последний слог нажимать. Понял? Ну, прощай!

Лет уж много прошло, а как вспомню наш разговор, стыдно до самой последней степени. И молодежи своей приказал: не хвастайтесь, не бахвальтесь! О деле, о деле больше думайте. Так-то...

С. КОШЕЧКИН.

(Спец. корр. «Правды»).

Лермонтово — Пенза — Москва.